

«Каружка» или «Маленькая Россия». Часть 2. | Le « Petit Carouge russe »

Auteur: Наталья Беглова, [Женева](#), 06.12.2017.

COLLECTION ROLAND MAGNIN

IMPRESSION BLANC-WITTWER S.A. GENÈVE

Бульвар Пленпале (из личной коллекции Н. Бегловой)

Мы предлагаем [начатый вчера](#) рассказ о женевском квартале, полюбившемся русским эмигрантам и студентам в конце 19 – начале 20 века. В центре внимания нашего корреспондента – места, где любили тусоваться и столоваться «наши люди» той эпохи.

Nous continuons de vous raconter un quartier de Genève chéri par les émigrés et étudiants russes au tournant du XXe siècle. Notre correspondante s'est intéressée plus particulièrement aux lieux où les Russes de l'époque aimaient se retrouver et casser la croûte.

Le « Petit Carouge russe »

Помимо библиотеки университета, столовых и кафе, о которых Наша Газета уже рассказывала, в Женеве было еще одно чрезвычайно популярное среди русской молодежи место – книжный магазин Элпидина по адресу дом № 6, улица Пьера Фатю (rue Pierre-Fatio). Несмотря на расположение вдалеке – по женевским меркам, конечно! – от основных артерий «Каружки», магазин был важнейшей составляющей русской инфраструктуры города.

Кем был Михаил Константинович Элпидин? Участник народовольческой организации «Земля и воля», заключенный в казанскую тюрьму, он бежал оттуда и с помощью друзей перебрался в Швейцарию. В 1866 году Элпидин поселился в Женеве, основывал здесь небольшую типографию и начал печатать запрещенную в России литературу. Именно из этой типографии в 1868 году вышел первый номер журнала «Народное дело», детище Михаила Бакунина, которого Михаил Константинович хорошо знал. Элпидин издал полное собрание сочинений Чернышевского, полный текст поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», содержащий запрещенные цензурой отрывки, «Исповедь» Льва Толстого и многое другое. Через него же литература, напечатанная в Женеве, подпольными путями переправлялась сначала в Германию, а оттуда – в Россию.

У местных властей Михаил Элпидин подозрений не вызывает. Он без проблем получает швейцарское гражданство, дела его идут настолько успешно, что в 1876 году он открывает и тот самый книжный магазин, который становится центром притяжения русской колонии в Женеве. Откуда он взял средства? Согласно некоторым источникам, от князя Петра Долгорукого, жившего в изгнании и издавшего нашумевшие мемуары, в которых он весьма нелестно отозвался о российском высшем свете. Начиная с 1859 года, князь жил в изгнании и сам пытался заниматься издательской деятельностью.

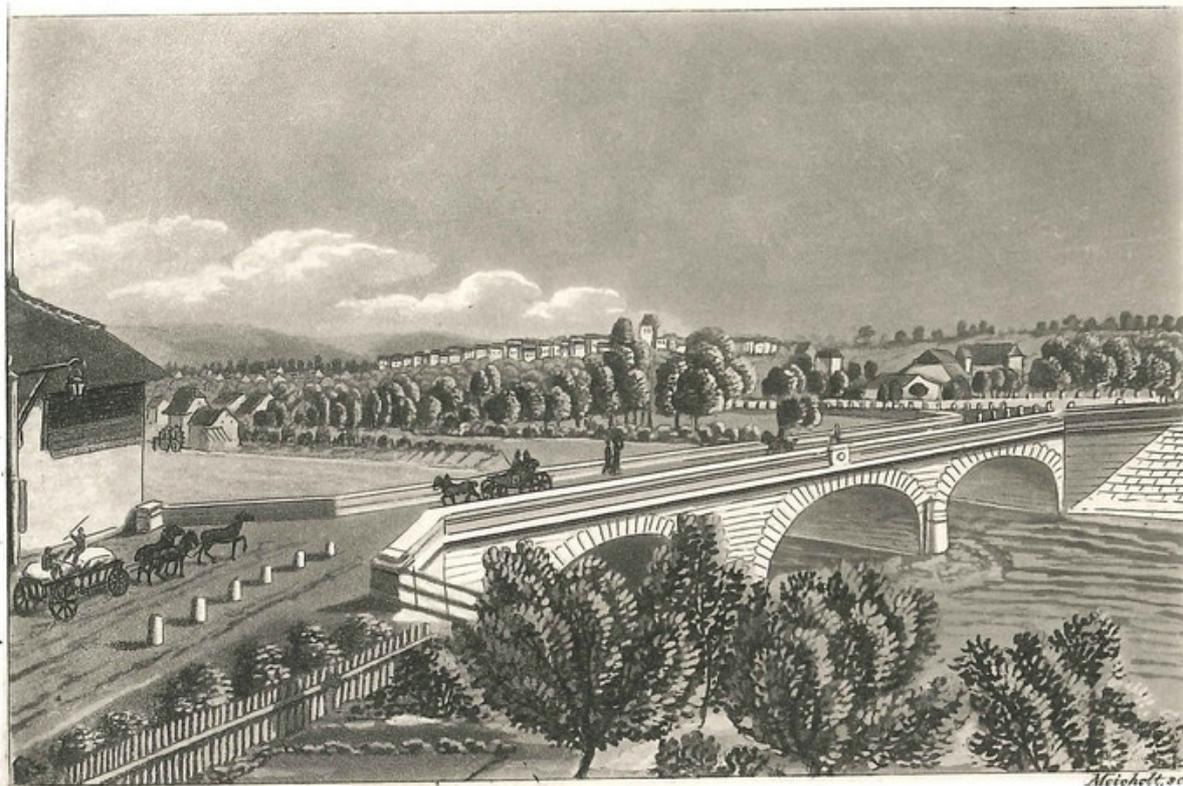

Каруж в солнечный день (из личной коллекции Н. Бегловой)

Элпидин был членом женеvской секции Первого Интернационала, но существовали весьма серьезные подозрения относительно его сотрудничества с царской охранкой. В первом издании Большой советской энциклопедии он прямо заклеен как сотрудник Третьего отделения. Есть предположение, что в 1885 году он был завербован Петром Ивановичем Рачковским, главой заграничной агентуры Департамента полиции Министерства внутренних дел России, чье недремлющее око зорко наблюдало за всем происходящим в русской эмиграции. Возможно, именно высокое покровительство тайной полиции позволяло именно Элпидину публиковать запрещенные в России произведения.

Мы сейчас не ставим перед собой задачу разобраться в том, был Элпидин платным агентом Третьего отделения или нет. Для нас важно отметить ту роль, которую его типография и магазин сыграли в жизни русской эмиграции. А роль эта весьма значительна. И не только потому, что такие, как теперь бы сказали, культовые книги, как «Что делать?» Чернышевского увидели свет именно благодаря ему, но и потому, что Элпидин смог создать неформальную площадку для общения и даже для

поддержания жизнедеятельности русской эмиграции. Это не преувеличение. Например, видная революционерка Вера Засулич именно через магазин Элпидина получала денежные переводы, позволявшие ей жить в Женеве. Очень часто вновь приехавшие русские прямо с вокзала отправлялись в книжный магазин Элпидина, будучи уверенным, что там им окажут денежную помощь, устроят с жильем и свяжут с теми, кто в дальнейшем будет им помогать обустраиваться на новом месте.

Brücke von Carouge
durch Napoleon gebaut.
Canton Genf.

Basel bey Mähly & Schabdtz

x.5.

Каружский мост (из личной коллекции Н. Бегловой)

Со временем женевская полиция уже в каждом из русских студентов подозревала если не революционера, то уж во всяком случае неблагонадежного. А за неблагонадежными требовался глаз да глаз. И женевские, и французские агенты, что называется, не щадили живота своего для того, чтобы не упустить ни малейшей детали из жизни своих «подопечных». Когда читаешь их донесения, то возникает мысль: сколько же агентов постоянно работали в Женеве, если они могли в таких деталях отслеживать жизнь более чем многочисленных «нигилистов»? В докладах, исписанных мелким почерком, в графе, отведенной каждому подозреваемому, можно прочитать, на какое собрание он ходил, где выступал, а где просто присутствовал. Например, вот этот студент зачем-то «переписывается с нигилистами из Парижа и Вены»; в графе другого приводится имя его любовницы; про третьего докладывают, что он отправился «в августе в Шамони, и остановился в отеле de la Poste»; а вот тот нигилист, «проживавший ранее в Санкт-Петербурге, получает ежемесячную пенсию в 150 франков», и так далее. Подозрение вызывает буквально все: частые переезды, смена любовника или любовницы, выступление на собрании, организация у себя

дома вечеринок, наличие долгов и многое, многое другое.

Вот, например, отрывок из донесения, касающегося одной польской студентки по имени Габриэла Унруг: «Русская эмигрантка, входит в группу, объединяющую ссыльных, и присутствует на всех тайных собраниях. Участвовала в демонстрации, организованной 1 мая на улице Флориссан. Сменила более пятнадцати квартир... Организовывала собрания у себя на квартире. Чрезвычайно экзальтированная и опасная личность. Одевается как мужчина. Переписывается с Парижем». Если становилось известно о каком-либо серьезном политическом мероприятии, которое должно было произойти на «Каружке», полицейские агенты обязательно присутствовали на нем и впоследствии предоставляли подробнейший отчет об увиденном и услышанном.

COLLECTION ROLAND MAGNIN

IMPRESSION BLANC-WITTWER S.A. GENÈVE

Круглая площадь Каружа (из личной коллекции Н. Бегловой)

Вот один пример. 25 марта 1895 года в уже упоминавшемся ресторане «Трайбер» прошел тематический вечер, посвященный сосланным в Сибирь. Сбор от него предназначался для оказания помощи ссыльным. В донесениях полиции об этом мероприятии сообщалось, что туда приходили с красными ленточками, закрепленными на лацканах пиджаков или прикрепленными к корсажам платьев, что среди присутствующих распространялись гравюры, изображавшие сосланных на каторгу в Сибирь, а в заключении присутствующие составили живые картинки, имитирующие жизнь каторжан. К докладу были приложены и несколько гравюр из тех, что раздавались присутствовавшим.

В начале осени 1896 года надзор особенно усилился в связи с предстоявшим визитом

в Париж Николая II. Сохранился доклад полиции от 16 сентября 1896 года, подготовленный для префекта города Аннеси, в котором сообщалось, что из Парижа, от директора «Сюрте женераль» (тогдашнего эквивалента Скотленд-Ярда или ФБР) поступило указание: в преддверии визита российского императора провести тщательную проверку всех неблагонадежных лиц русского происхождения, находящихся в Женеве. Делалось это для того, чтобы предотвратить их возможное участие в подготовке какого-либо террористического акта в Париже. Из французской столицы прибыли несколько агентов, которые совместно с их женевскими коллегами «посещали днем или ночью места, где бывали русские и армянские нигилисты, жившие в Женеве...», а также в Лозанне, Веве, Монтре и других местах. В их задачу, помимо всего прочего, входило «запомнить лица как можно большего числа нигилистов и других личностей, известных своей близостью к последним». Для чего это делалось? Для того, чтобы во время визита Николая II в Париж поднять тревогу в случае, если эти люди окажутся в непосредственной близости от царя. В этих же целях один из агентов женевской полиции, прекрасно знавший русскую колонию Женевы, был командирован в Париж на время пребывания там царской четы.

Итак, как мы видим, на «Каружке» реально кипели страсти!

Если почитать мемуары русских эмигрантов тех времен, то, вне зависимости от их политической принадлежности, в одном они сходятся: в описании атмосферы, царившей в русской студенческой и эмигрантской колонии. Все пишут о том, что Женева «бурлила новыми идеями», прежде всего, идеями анархизма. Георгий Плеханов, живший в те годы в Женеве, был кумиром значительной части молодежи. Все грезили о новом мире, который предстояло построить – мире добра и справедливости и не подозревали, что по тем же улицам «Каружки», ходит и тот, кто этот новый мир действительно построит. А уж что из этого получилось...

[Россия](#)

[российско-швейцарские отношения](#)

Статьи по теме

[«Каружка» или «Маленькая Россия». Часть 1.](#)

[Встречают по одежке? Часть 1](#)

[Встречают по одежке? Часть 2.](#)

Source URL:

<http://nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/karuzhka-ili-malenkaya-rossiya-chast-2>